

Куцетина. — 1992. — 15 февр. — С. 7
Во дни конфликтования всего со всем

так хочется укрыться в театре, спрятаться от уличных драк и облиться над вымыслом слезами. Ничего не получается. Впрочем, по Шекспиру: «Мир — театр...» — все сходится. Все, как и везде.

Рабы любви

ТЮЗ, Таганка — типология конфликта

Сначала — две цитаты из статьи, под которой стоит моя собственная подпись. Материал был опубликован в нашей газете пять лет назад.

«Сможет ли Генриэтта Яновская... уже пользуясь реальными правами художественного руководителя, удерживать в театре талантливых и порядочных людей, не так давно на нее «восставших».

«...Сохранить в театре талантливую уже не коллоквиум, а, скажем, «паритетную группу» — важно в первую очередь для нее самой. Получили для себя и «своих» актеров право целенаправленно строить молодежный театр, важно сохранить и поддерживать тех, кому дорожно и близки задачи детского театра... Пусть не будет полного единомыслия, но пусть разномыслие будет уважительным и достойным».

Когда мы с критиком Александром Соколякиным писали эти строки, в МТЮЗ уже родился замечательный спектакль «Собачье сердце» — первое детище только что назначенной главным режиссером театра Генриэтты Яновской и заново поверившей в свои силы тюзовской труппы. Это был, без сомнения, плод любви и веры.

Откуда же тревожные предчувствия? Оттого что страсти, разгоревшиеся вокруг фигуры нового лидера и стихнувшие к моменту премьеры, оставили за собой опасные зоны. Волей профессии мы вынуждены были в них окунуться. Теперь придется напомнить.

На «отсталый устоян театральный фронт» была гордо-скиннившаяся «бродячая» эдакий режиссер. Да простится мне железобетонная терминология, но именно в подобных, лучших традициях и была проведена эта акция. Режиссера привели, но главным сделать побоялись. Все чего-то выдвигали да высчитывали. Создавали двусмысленную ситуацию. Стояли-лись действия лидера, не имеющие, однако, официальных прав на лидерство, и отчаянные надежды усталой и заброшенной труппы на свое новое рождение. Вокруг Г. Яновской началась борьба, коллектив разделился на сторонников и противников, а «наверху» все не решались узаконить режиссера во властных правах. Решение ставили подальше, инициатор тюза, тут-то и пошли в ход всели средства и проявились всели не человеческие качества. Вдобавок выбор булгаковского «Собачьего сердца» открыто намекал на возможную смену ориентации театра. Затем идея была четко и ясно декларируемая не детским, но молодежным. Противники этой идеи в самом МТЮЗ не заставили себя ждать, что тоже естественно.

Но победил... «Собачье сердце». Таблиц, административных и вера — эти, весьма хрупкие материи смогли погасить пожар. На релаксациях создавалась атмосфера подлинного искусства и дажно не извезданного счастья, а премьеры приносила триумф и славу. Дразни уляли, вместе с ними смолкли и коллоквиумчики, уже тогда вызывавшие беду.

Прошло пять лет. Г. Яновская давно уже главный режиссер, а теперь и художественный руководитель, то есть безраздельная хозяйка театра. А труппу потряс новый, гораздо более сокрушительный конфликт. Коллектив подавляющим большинством голосов выразил недоверие руководителю.

МТЮЗ, начав, было, восхождение и слава ныне — почти в руинах. Молодежники он так и не успел стать детским, похоже, перестал быть. За пять лет — три премьеры, а из старого, адресованного детям репертуара нещадным образом диссипатируются лишь древние «Два клена» и «Анчутин». Многомелкие простои раскопдали и слободы актеров. В их душах поселились обиды, злоба и страх. Да и в самом доме, что в первую Садовских, — не уютно и постаранно. Сбита с фронта аббревиатура Тюз, сняты со стен фотографии актеров, масса пуста — насмехи ушли с работы. Уходят и многие другие, администраторы, артисты, среди которых — ведущие...

...А на собраниях коллектива, этих злоеющих и, увы, чисто отечественных формах группового коллоквиумирования, вновь

прокручивалась лента пятилетней давности. Звучала поистине апокалипсическая для всех нас тема покаяния. Каялись те, кто пять лет назад боготворил и молился. Разочаровались, разуварились, отчаялись...

Замечаете, — все какие-то недоговоры, слишком интимные и слишком человеческие мотивы! Что подделываю, они-то и есть самые взрывоопасные зоны нашего театра.

Вопреки формуле Льва Толстого: «...Каждая несчастная семья несчастна по-своему, наши театральные «семьи» сегодня несчастны одинаково. А потому обратимся к другому конфликту, потрясшему только что легендарную Таганку.

...И снова — собрание коллектива, снова это наше, душе-раздирающее толковище. Часть труппы разуварились в своем Отце и учителе Юрии Петровиче Любимове. Заучит отчаянный и убийственный укор: «Вы нас не любите больше!» Для сравнения: самый частый рефрен тюзовских актерских обвинений в адрес своего режиссера — «Вы не любите нас!». Различия ситуаций в двух театрах хоть и существенны в частностях, но на удалении схожи в главном. Любовь — не любовь обладают в наших театральных организациях «дополнительными полномочиями». Если в МТЮЗ взаимная любовь режиссера со своими актерами в чем-то не зашла в самого начала, то на Таганке она была, и еще какая! Ею-то, а вернее, надеждой на ее возрождение и жила все эти годы труппа. Любля Отца, когда он покинул свою семью, любила, когда стал периодически возвращаться. Только асему на свете отпущен свой срок. В том числе и театральному, студийному единству. Одни говорят: театральная «семья» жила и продолжаторы лишь семь лет, другие отпускают ей лет пятнадцать. А наша замечательная Таганка куда старше...

Конфликт. Другой конфликт... Так что же, начнем, подчиняясь общей психологии драки, искать виноватых? Труд, ей-ей — неблагодарный и совершенно напрасный. И не стоит, наконец, повторять очевидных истин. Ну, например, что ставить хорошие спектакли — это одна профессия, а руководить театром — другая. Или, что при всей правоте личных актерских претензий горько и постыдно выглядят коллективные личе-вания. Что режиссерский талант уникален. Что любой художник имеет право на паузу, и не след трясти его за коротник, требуя: где продукция! Что, с другой стороны, с художника, руководящего театром, у нас — спрос за все: и за продукцию, и за судьбы аваренных ему актеров, и за зрителя. Теперь еще — и за деньги, должности, здание, кусок земли, на котором стоит театральный дом. Блажен, кто, обладая даром ставить «спектакли» и строить театральные организации, одарен вдобавок и умением считать, просчитывать и пробыть. Много ли таких! У нас же сегодня всякий, кто хочет сохранить театр и себя в нем, обречен тянуть десять ямол.

Стремлюсь, часоманье, уверить Театр на Таганке от грядущих рыночных штормов. Ю. Любимов предложил мэру Москвы свой проект контракта. В нем оговорены и права его единоначалия, и приоритетное любимо-вское право на приватизацию, и международный арбитраж на случай споров и конфликтов. Где-то в Цюрихе... На-кой там Цюрих! Мы в Москве, где все театры в скором времени перейдут на систему контрактов. Но ни один, похоже, и этой системы не готов.

И вот Ю. Любимов и Г. Янов-ская помнят себе головами над

проблемой выживания театров в условиях контракта, а труппы тем временем подчиняются безоглядному инстинкту. Он им подсказывает: «Нас не любят больше, значит, и доверия больше нет». И возникает бунт. Все правильно, ведь от любви до ненависти один шаг.

Наш стационарный театр можно строить по законам

семьи, где актеры полностью зависели от папы (мамы) — режиссера. Поможим это обстоятельство на природные особенности любого театра не зомным шаром, в основе которых — взаимная любовь актеров и их лидера, общая вера, и мы получим отечественного театрального монстра с очень человеческим, очень страдающим лицом. При постоянных труппах и их государственном подчинении у актерской братии намечается сформирован этот «семейный» комплекс. Это у «них», «там» — контракты, временные связи, сошлись — разошлись. У нас же домострой, такова наша природа. А природа — выше, чем искусство, как говорил король Лир. И бунтуют рабы устоявшихся человеческих связей. Тех самых, без которых не было бы у нас ни Таганки, ни «Современника», ни БДТ, ни эфросовской Малой Бронной...

Так мы жили, так и продол-жаем жить, а привычные связи тем временем трещат по швам на всей территории «ше-стой части суши». Где ж убав-раться бедному театру!

Ни к чему еще раз уверять себя, что перемены неизбежны, а новая жизнь — неостратимая реальность. Все и так ясно. И не надо пророчеств. Надо только приспособиться к тому, что колокол уже звонит по многим, еще оставшимся нашим театральным семьям. Тревожно размышлению вопре-ки, отчаянно хочется их сберечь. Вот только как!

Наталья КАМИНСКАЯ.

Р. 5. На момент подписания газеты в ТЕАТРЕ НА ТАГАНКЕ достигнут консенсус. Последнее собрание коллектива при участии председателя Комитета по культуре Москвы И. Вугаева решило не поддаваться сиоим-нутным страстям, а избрать путь доверия Ю. Любимову и согласия между противоборст-вующими сторонами.

МТЮЗ: здесь пана — без от-крытых столкновений и без су-ществленных перемен.